

ЛЮСИ МОД
МОНТГОМЕРИ

ЛЮСИ МОД
МОНТГОМЕРИ

АНИН ДОМ МЕЧТЫ

Москва

УДК 821.111-93(71)
ББК 84(7Кан)-44
М77

Lucy Maud Montgomery
ANNE'S HOUSE OF DREAMS

Перевод с английского *Марины Батищевой*

Художественное оформление *Луизы Бакировой*

Иллюстрация в марке серии:
© lelevien / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Монтгомери, Люси Мод.

М77 Анин Дом Мечты / Люси Мод Монтгомери ; [перевод с английского М. Ю. Батищевой]. — Москва : Эксмо, 2026. — 384 с.

ISBN 978-5-04-203655-2

«Анин Дом Мечты» — пятая книга из цикла про Аню Ширли.

Аня выходит замуж за Гилберта Блайта, настает время покинуть родное гнездо, чтобы вместе с молодым и любимым мужем поселиться в собственном доме на берегу гавани Четырех Ветров, окутанном романтическими историями и тайнами. Аня счастлива со своим избранником, но даже Дом Мечты не может укрыть их от внезапно нагрянувшего горя, на преодоление которого уходит все мужество и любовь.

УДК 821.111-93(71)
ББК 84(7Кан)-44

© Батищева М., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-203655-2

Глава 1

НА ЧЕРДАКЕ ЗЕЛЕННЫХ МЕЗОНИНОВ

— **К**акое счастье, что я покончила с геометрией! Больше мне не придется ни изучать ее, ни преподавать школьникам, — сказала Аня Ширли немного мстительным тоном. Бросив изрядно потрепанный том Евклида в большой сундук со старыми книгами, она торжествующе захлопнула крышку и, сев на нее, взглянула на Диану Райт серыми, как утреннее небо, глазами.

Чердак, где сидели подруги, был, как, вероятно, все чердаки, уютным, полутемным и наводящим на размышления местом. В открытое окно, возле которого сидела Аня, вливался сладкий, душистый, согретый солнцем воздух августовского дня, а за окном шелестели листьями и метались на ветру ветви тополей.

Сквозь них виднелся яблоневый сад, все еще сгибающийся под *тяжестью* своего необыкновенно щедрого румяного урожая, а еще дальше темнели леса, где пролегали волшебные извивы Тропинки Влюбленных. И над всем этим в голубом южном небе тянулась громадная горная цепь снежно-

белых облаков. За другим окном можно было видеть далекое синее море в белых гребнях волн — прекрасный залив Святого Лаврентия, на котором, как сверкающий драгоценный камень, лежит Эбигвейт, чье нежное и благозвучное индейское название давно заменили более прозаическим — остров Принца Эдуарда.

Диана Райт за три года, прошедших с тех пор, как мы видели ее в последний раз, приобрела черты почтенной замужней особы, но ее глаза оставались такими же черными и блестящими, щеки такими же розовыми, а ямочки на них такими же обворожительными, как в те далекие дни, когда она и Аня поклялись друг другу в вечной дружбе, стоя на садовой дорожке возле дома Барри. На руках Диана держала маленькое спящее чернокудрое создание, уже два года известное авонлейскому обществу как маленькая Анна Корделия. Авонлейские жители, разумеется, прекрасно понимали, почему Диана назвала свою дочку Анной, но имя Корделия вызывало немалое недоумение. Среди родных и знакомых Райтов и Барри никогда не было ни одной Корделии. Миссис Эндрюс высказывала предположение, что это имя было взято Дианой из какого-нибудь низкопробного романа, и удивлялась, что у Фреда не хватило здравого смысла, чтобы воспрепятствовать этому. Но Диана и Аня только улыбались друг другу, слыша такие речи. Они-то знали, почему маленькая Анна Корделия получила такое имя.

— Ты всегда терпеть не могла геометрию, — сказала Диана с улыбкой. — Да и вообще, ты, наверное, безмерно рада, что работа в школе теперь позади.

— О, мне всегда нравилось преподавать... если, конечно, не считать геометрии. Последние три года в Саммерсайте прошли очень приятно. Миссис Эндрюс даже сочла необходимым предупредить меня, когда я вернулась в Авонлею, что, скорее всего, супружество не покажется мне, вопреки моим надеждам, намного легче работы в школе. Очевидно, миссис Эндрюс вслед за Гамлетом полагает, что уж лучше терпеливо сносить привычные невзгоды и беды, чем бросаться навстречу новым, о которых нам ничего еще не известно¹.

И Анин смех, такой же беспечный и неуправляемый, как в давние дни, но с новообретенной мелодичностью и глубиной звука, огласил старый чердак. Внизу, в кухне, Марилла, варившая варенье из синих слив, услышала его и улыбнулась, но тут же вздохнула, подумав, как редко теперь будет звенеть этот смех в Зеленых Мезонинах. Никогда за всю ее жизнь ничто не принесло Марилле столько радости, сколько известие о том, что Аня станет женой Гилберта Блайта. Но всякая радость неизбежно несет с собой и легкую тень печали. На протяжении трех саммерсайдских лет Аня часто приезжала до-

¹ Перефразированные слова из трагедии У. Шекспира «Гамлет».

мой на каникулы и выходные дни, но после свадьбы два визита в год — это все, на что можно надеяться.

— Пусть тебя не тревожит то, что говорит миссис Эндрюс, — сказала Диана со спокойной самоуверенностью матроны, обладающей четырехлетним опытом. — В супружеской жизни есть, конечно, и взлеты, и падения. Не следует ожидать, что все и всегда будет идти гладко. Но я могу заверить тебя, Аня, что это счастливая жизнь, если ты замужем именно за таким человеком, какой тебе нужен.

Аня постаралась подавить улыбку. Ее всегда немного сместило то, что Диана держится с важностью многоопытной особы.

«Что ж, быть может, я тоже буду напускать на себя такую же важность после четырех лет замужества, — подумала она. — Впрочем, мое чувство юмора, скорее всего, предохранит меня от этого».

— Уже решено, где вы будете жить? — спросила Диана, прижимая к себе маленькую Корделию неподражаемым материнским жестом, всегда вызывавшим трепет в Анином сердце, полном невыразимо приятных мечтаний и надежд, — трепет, который был отчасти подлинным наслаждением, а отчасти странной, едва ощутимой болью.

— Да. Как раз об этом я и хотела поговорить, когда позвонила тебе сегодня по телефону и попросила зайти к нам под вечер. К слову сказать, я никак не могу привыкнуть к мысли, что у нас в Авонлее теперь есть телефоны. Для такого ми-

лого, тихого уголка, как наш, это так до нелепости современно и новомодно.

— Мы должны благодарить за это Общество Содействия Развитию Авонлеи, — заметила Диана. — У нас никогда не появилась бы телефонная линия, если бы они не занялись этим делом. Возражений было вполне достаточно, чтобы охладить пыл любых энтузиастов. Но они все же настояли на своем. Ты сделала замечательный подарок Авонлее, Аня, когда основала это Общество. Как весело проводили мы время на наших собраниях! А разве можно забыть синий клуб или ту историю с планом Джадсона Паркера расписать свой забор рекламой патентованных лекарств?

— Не знаю, действительно ли я испытываю только благодарность к нашему Обществу в деле с телефонизацией, — сказала Аня. — Конечно, это чрезвычайно удобно, куда удобнее нашего старого изобретения — сигналить друг другу вспышками свечи! К тому же, как говорит миссис Линд, «Авонлея должна идти в ногу с прогрессом, вот что я вам скажу». Но почему-то у меня такое чувство, словно мне не хочется, чтобы Авонлея была испорчена тем, что мистер Харрисон, когда пытается сострить, называет «всеми современными неудобствами». Мне хотелось бы навсегда сохранить ее такой, какой она была в старые добрые времена. Это глупо... и сентиментально... и нереально! Так что я немедленно становлюсь мудрой, практичной и реалистичной. Телефон, как признает даже ми-

стер Харрисон, — «сногшибательно хорошая штука»... даже если знаешь, что, по всей вероятности, на линии тебя подслушивает не менее полудюжины заинтересованных лиц.

— Вот это-то хуже всего, — вздохнула Диана. — Так неприятно слышать звук снимаемых телефонных трубок, когда с кем-нибудь разговариваешь... Говорят, миссис Эндрюс настояла на том, чтобы их телефон стоял в кухне, где она может слышать его, когда бы он ни зазвонил, и одновременно приглаждать за готовящимся обедом. Сегодня, когда ты звонила мне, я ясно слышала бой этих необычных часов, которые стоят у Паев. Так что нас, без сомнения, подслушивала Джози или Герти.

— Так вот почему ты сказала: «У вас в Зеленых Мезонинах новые часы, да?» Я никак не могла догадаться, что ты имела в виду. Но как только ты это сказала, я услышала сильный щелчок. Вероятно, это была повешена с бешеной силой трубка Паев. Но не стоит обращать внимание на Паев. Как говорит миссис Линд, «Паями они всегда были, Паями и останутся на веки вечные, аминь». Я хочу поговорить о более приятных вещах. Теперь уже окончательно решено, где мы будем жить.

— Ах, Аня, где? Я так надеюсь, что близко отсюда...

— Не-эт. И это, конечно, недостаток нашего нового дома. Гилберт собирается устроить нас в гавани Четырех Ветров — это за шестьдесят миль отсюда.

— Шестьдесят! Для меня что шестьдесят, что шестьсот, — вздохнула Диана. — Я теперь никогда не могу выбраться дальше Шарлоттауна.

— Но ты должна будешь приехать в Четыре Ветра. Это самая красивая гавань на нашем острове. Там, в маленькой деревне — она называется Глен¹ Святой Марии, — пятьдесят лет практиковал доктор Дэвид Блайт. Это двоюродный дедушка Гилберта. Теперь он собирается уйти на покой, а Гилберту предстоит принять на себя обязанности местного врача. Однако доктор Блайт по-прежнему будет жить в своем доме, так что нам придется подыскать себе другое жилье. Я еще не знаю, что это будет и где, но в воображении у меня есть свой маленький Домик Мечты со всей обстановкой — крошечный, прелестный воздушный замок.

— А куда вы отправляетесь в свадебное путешествие? — спросила Диана.

— Никуда. Не смотри на меня с таким ужасом, Диана, дражайшая, а то мне сразу вспоминается миссис Эндрюс. Она, без сомнения, заметит снисходительно, что люди, которые не могут позволить себе расходы, связанные со свадебным путешествием, поступают вполне благоразумно, если отказываются от него, а потом обязательно напомнит мне, что Джейн ездила после свадьбы в Европу. Но я хочу провести мой медовый месяц в Четырех Ветрах, в моем собственном дорогом Доме Мечты.

¹ Г л е н — узкая лесистая долина.

— И ты твердо решила не иметь на свадьбе ни одной подружки?

— Ни одной. Ты и Фил, и Присилла, и Джейн — все опередили меня в том, что касается замужества, а Стелла так далеко — она преподает в Ванкувере. Ни одной другой родственной души у меня нет, а я не хочу иметь подружку, которая не является такой душой.

— Но вуаль-то на тебе будет? — спросила Диана обеспокоенно.

— Всенепременно! Без нее я не чувствовала бы себя невестой. Помню, как я говорила Мэтью в тот вечер, когда он привез меня в Зеленые Мезонины, что не надеюсь когда-либо стать невестой, ведь я такая некрасивая, что никто никогда не захочет на мне жениться — разве только какой-нибудь миссионер, отправляющийся в далекие страны обращать язычников в истинную веру. По моим тогдашним представлениям, миссионеры не могли позволить себе быть особенно привередливыми в том, что касается внешности, раз уже они хотят, чтобы девушки рисковали жизнью, отправляясь вместе с ними к людоедам. Но видела бы ты миссионера, за которого вышла Присилла! Он был не менее красив и загадочен, чем те создания нашего воображения, за которых мы с тобой, Диана, сами когда-то мечтали выйти замуж. Более красиво одетого мужчины я не встречала. И он восторгался «неземной, золотой красотой» Присиллы. Но, конечно, в Японии нет никаких людоедов.

— Во всяком случае, твое свадебное платье — просто мечта, — восхищенно вздохнула Диана. — Ты в нем как настоящая королева — такая высокая и стройная. Как ты ухитришься оставаться такой стройной, Аня? А я все толстею — скоро у меня совсем не будет талии.

— Полнота или стройность — это, судя по всему, вопрос, где все решает судьба, — сказала Аня. — Как бы то ни было, миссис Эндрюс не может сказать тебе то, что сказала мне, когда я вернулась домой из Саммерсайда: «А ты, Аня, все такая же тощая». «Стройная» звучит весьма романтично, но «тощая» имеет совсем другой оттенок.

— Миссис Эндрюс все толкует о твоём приданом. Она признает, что оно ничуть не хуже, чем у Джейн, хотя — так она говорит — Джейн вышла за миллионера, а ты всего лишь за «бедного доктора без гроша за душой».

Аня засмеялась.

— Мои платья действительно хороши. Я люблю красивую одежду. Помню мое первое красивое платье — из коричневой глории. Мэтью подарил мне его на Рождество, перед нашим школьным концертом. Все, что я носила до того, было такое некрасивое. В тот вечер мне казалось, что я вступила в новый мир.

— Это был тот вечер, когда Гилберт декламировал «Бинген на Рейне» и смотрел на тебя, произнося: «Здесь есть другая, не сестра...» И ты была в таком гневе из-за того, что он подобрал и положил в свой нагрудный карман бумажную розу, которая

упала у тебя с головы, когда ты убежала со сцены после диалога фей! Ты тогда и предположить не могла, что когда-нибудь выйдешь за него замуж.

— Что ж, это еще один случай, где все решила судьба, — засмеялась Аня, спускаясь вместе с Дианой по чердачной лестнице.

Глава 2

ДОМ МЕЧТЫ

Еще никогда за всю историю Зеленых Мезонинов здесь не царило такое волнение. Даже Марилла была так возбуждена, что не могла скрыть этого, — нечто почти невероятное, учитывая ее обычную сдержанность.

— В этом доме никогда не было свадьбы, — говорила она миссис Рейчел Линд, как бы извиняясь. — В детстве я слышала, как один старый священник говорил, что дом нельзя назвать настоящим домом, пока он не освящен рождением, свадьбой и смертью. Смерти здесь были — здесь умер не только Мэтью, но и мои родители. И даже роды здесь были. Очень давно, сразу после того, как мы въехали в этот дом, у нас какое-то время был женатый батрак, и его жена родила здесь ребеночка. Но свадьбы здесь еще никогда не было... Как подумаешь, это так странно, что Аня выходит замуж. В какой-то степени она до сих пор кажется мне той маленькой девочкой, которую Мэтью привез сюда четырнадцать лет назад. Я все никак не могу до конца осознать, что она выросла.

Никогда не забуду, что я почувствовала, когда увидела, как Мэтью вводит в дом *девочку*. Интересно, что стало с тем мальчиком, которого мы взяли бы на воспитание, если бы не произошла ошибка. Хотела бы я знать, как сложилась *его* судьба.

— Это была счастливая ошибка, — сказала миссис Линд, — хотя, заметь, было время, когда я думала иначе, — в тот вечер — помнишь? — когда я зашла посмотреть на Аню, а она устроила нам такую сцену! Многое изменилось с тех пор, вот что я вам скажу.

Миссис Линд вздохнула, а затем снова оживилась. Когда предстояло такое приятное событие, как свадьба, миссис Линд была готова предать прошлое забвению.

— Я собираюсь подарить Ане два из моих хлопчатых вязаных одеял, — продолжила она. — Одно в «табачную полоску», а другое — с узором из листьев яблони. Она говорит, что вязаные одеяла опять в моде. Ну, в моде они или нет, а я не верю, что для кровати в комнате для гостей можно найти что-либо наряднее, чем красивое одеяло с узором из листьев яблони, вот что я вам скажу. Но мне надо позаботиться о том, чтобы они были хорошо отбелены. Они у меня зашиты в полотняные мешки, еще с тех пор как Томас умер, и наверняка ужасно пожелтели. Но впереди еще целый месяц, а отбеливание на солнце творит настоящие чудеса.

Только месяц! Марилла вздохнула, а затем сказала с гордостью: